

АЛЕКСАНДР АСМОЛОВ

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Культурно-историческое
понимание развития человека

УЧЕБНИК

Рекомендовано

*УМО по классическому университетскому образованию
в качестве учебника для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по специальностям «Психология», «Клиническая психология»
и направлению подготовки «Психология»*

4-е издание, исправленное

Москва
2010

УДК 159.923(075.8)
ББК 88.4я73
А905

Асмолов А. Г.

Б877 Психология личности : культурно-историческое понимание развития человека : учебник / Александр Асмолов. — 4-е изд., испр. — М. : Смысл ; Издательский центр «Академия», 2010. — 448 с.

ISBN 978-5-89357-258-2 (Издательство «Смысл»)

ISBN 978-5-7695-5790-3 (Изд. центр «Академия»)

В учебнике психология личности предстает как история развития изменяющейся личности в изменяющемся мире. С привлечением разрозненных ранее факторов из эволюционной биологии, культурной антропологии, истории, социологии, филологии и медицины обсуждаются вопросы о происхождении человека, норме и патологии личности, социальных программах поведения, роли конфликтов и взаимопомощи в развитии личности, мотивации личности и поиске человеком смысла существования.

Для преподавателей и студентов психологических факультетов университетов, а также специалистов пограничных областей человекознания, желающих расширить горизонты своего сознания.

УДК 159.923(075.8)

ББК 88.4я73

ISBN 978-5-89357-258-2
ISBN 978-5-7695-5790-3

© Асмолов А.Г., 1990, 2002, 2010

© Издательство «Смысл», 2010

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2010

Быть может, прежде губ родился шепот,
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

Осип Мандельштам

Никому не рассказывайте своих снов.
Вдруг к власти придут фрейдисты.

Станислав Ежи Лец

«ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ». ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

(предисловие к третьему изданию в жанре исповеди)

Психология — пристрастная наука. Уже самим фактом своего существования в семье наук о человеке, природе и обществе она бросает вызов идеалу рациональности, в духе которого веками оттачивалось естественно-научное мышление, гордящееся своей точностью, объективностью, независимостью от стиля наблюдения и беспристрастностью. Жесткая логика, воспроизводимость результатов наблюдения, описание феноменов на языке математики — вот далеко не полный перечень атрибутов, без которых любой науке отказывалось в праве именоваться наукой¹.

Однако, как учит неумолимый опыт истории, лишь только вы встречаетесь с претензией на обладание одним и только одним путем к истине, как только в социальных или естественных науках слышите фразу «Правильной дорогой идете, товарищи!», то знайте, что наука начинает перерождаться в веру. И вера в идеал рациональности как

¹ Наиболее последовательно эти идеи раскрывает один из ведущих методологов современной психологии В.М. Аллахвердов, выразивший их формулой: «Миф о естественной науке умер. Да здравствует естественная наука!» (см.: *Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003).

единственный образец построения научного знания в этом плане не составляет исключения.

Идеал рациональности упрощает картину мира, в известном смысле конструирует реальность, отфильтровывает факты, события и концепции, которые не укладываются в прокрустово ложе рациональных объяснений.

В результате из массового научного сознания, да простят меня собратья по научному цеху за подобное словосочетание, по всем правилам психоанализа вытесняется старое предостережение великого немецкого философа и математика Готфрида Лейбница о том, что если бы геометрические аксиомы затрагивали интересы людей, то они бы опровергались.

Будь на то моя воля, я бы большими сверкающими буквами высветил эту нематематическую аксиому Лейбница перед всеми теми, кто рискует посвятить свою жизнь психологии. *Психология во всех своих многочисленных ипостасях, и психология личности в самую первую очередь, не только затрагивает интересы людей и судьбы народов, но исходно превращает эти разнообразные интересы, страсти и мотивы человеческих поступков, таинства любви и скрытые пружины ненависти, взлеты и падения человеческого духа в предмет своего исследования.*

Тем самым психология изначально ставит под сомнение универсальность идеала рациональности как не имеющего границ инструмента мышления, который возводят в абсолют многие представители классических наук². Поражающий воображение парадокс познания, о котором в свое время откровенно говорил замечательный психолог Л.М. Веккер, состоит в том, что любые открытия этих наук неизбежно преломляются через призму индивидуального и массового сознания.

Поэтому, когда речь заходит об эволюции познания и попытках человеческого разума проникнуть за кулисы самых разных изобретений и открытий — будь то закономерности квантовой механики или синергетики, формула генетиче-

² См. об этом, например: *Мамардашвили М.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 2004; *Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002.

ского кода или дистантное управление летящим к другим планетам космическим кораблем, необходимо набраться смелости и сказать: «Вначале была... психология». Или как метафорично передает подобного рода откровенье О.Э. Мандельштам, «...прежде губ уже родится шепот».

Мысль о том, что психология, со-знание предшествует любому акту познания, каким бы «объективным» он ни казался, что, говоря словами основателя неклассической биологии активности Н.А. Бернштейна, *задача рождает орган*, вызывала и будет вызывать скептическое отношение у сторонников веры в универсальность рационального мышления. Они усматривают в этой мысли очередные изыски постмодернизма, гримасы неклассических и постнеклассических концепций рациональности (М.К. Мамардашвили, В.С. Степин, В.А. Лекторский, М.С. Гусельцева), игры в либеральную методологию (А.В. Юрьевич) или отзвуки анархической теории познания Пола Фейерабенда.

Когда лиса не может достать виноград, то она, как бы заметили психоаналитики, *рационализирует* и обесценивает свою неудачу. Он оказывается зеленым, незрелым, я бы даже сказал дефектным, виноградом. Когда сторонники парадигмы рационального мышления встречаются с парадоксальным тезисом «Вначале была... психология», они напоминают психологам о таких отцах психологической науки, как Т. Фехнер, В. Вундт, Дж. Уотсон и И.П. Павлов, которые мечтали построить психологию по канонам классической физики. Они поспешат заметить, что психофизика и экспериментальная психология тщательно изгоняли из исследований восприятия, памяти и мышления влечения и мотивы личности, лежащие в основе любых психических процессов. И будут исторически правы.

Но как в свое время писал Л.С. Выготский, именно за мотивами и аффектами открывается... Жизнь. А когда из психологии изгоняют жизнь, то психологию покидает Душа. Тем самым возникает хрестоматийно известная ситуация, при которой из психологии вместе с водой выплескивается ребенок.

Печальным итогом подобной ситуации оказывается своеобразная родовая травма, которую переживали и переживают психологи самых разных школ и направлений, в том числе

и автор настоящего предисловия. Порой эти переживания, свидетельствующие о возникшем при рождении психологической науки комплексе неполноценности, прорываются в сознание и облачаются в грустные строки:

Все можно
измерить,
увидеть
и взвесить...
Лишь Душу
нельзя
просчитать.
Веками
бессилье
психологов
бесит
И ночью
мешает
им спать.

Любое саморазоблачение имеет границы. Да и мудрый афоризм польского писателя Ежи Леца «Никому не рассказывайте своих снов. Вдруг к власти придут фрейдисты» напоминает мне, что исповедь о комплексах далеко не всегда освобождает от самих комплексов. К тому же никогда не следует забывать, что одними из самых искусных мастеров ис-пытания сознания были инквизиторы, которые уже не раз в многострадальной истории человечества в отличие от фрейдистов становились подлинными обладателями социальной и ментальной власти.

В связи с этим я не буду далее каяться в своих комплексах, а открыто и честно признаюсь в пристрастности в третий раз выходящего в жизнь учебника «Психология личности».

Один из первых читателей этого учебника, известный эстонский психолог П. Тульвисте, ученик А.Р. Лурия, в рецензии на первое издание «Психологии личности» в 1990 году писал, что это — учебник скорее по будущей методологии психологии личности, интегрирующей культурную антропологию, эволюционную биологию, системный и деятельностный подход в рамках психологической науки.

Но учебник стоит издать, дабы психология личности как самостоятельное научное направление и университетская дисциплина смогла отстоять свое место под солнцем. Слова П. Тульviste оказались без преувеличения сбывшимся пророчеством.

Дух времени привел к тому, что в Советском Союзе, а затем и в России *психология личности стала одной из интегрирующих дисциплин и востребованных направлений психологической науки*. На факультетах психологии — вначале в МГУ им. М.В. Ломоносова, а затем в ряде других вузов появились кафедры и специализация по психологии личности. С каскадом фундаментальных учебников по психологии личности (в основном западных трудов, озаглавленных «Теории личности») могут поспорить разве что многочисленные издания по социальной психологии и клинической психологии. Интерес к психологии личности, в методологическом смысле сшивающей общую психологию и психологию личности, социальную психологию и психологию личности, клиническую психологию и психологию личности, культурную антропологию и психологию личности, менеджмент ...и психологию личности, растет не по дням, а по часам³.

В такой социально-исторической ситуации учебник «Психология личности», надеюсь, остается методологическим путеводителем в этой области нашей науки именно в силу пристрастности и, осмелюсь заметить, *необщего* выражения лица.

Пристрастность этого учебника обусловлена несколькими причинами.

«Психология личности» пристрастна, прежде всего, потому, что установки мышления автора складывались в кругах общения *культурно-деятельностной школы в психологии*, или, как ее чаще называют, культурно-исторической школы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия. Логика развиваемого в этой книге *историко-эволюционного подхода в психологии личности* была бы невозможна без диалогов с такой бессмертной плеядой психологов, как П.Я. Гальперин,

³ См., например: *Иванов Вяч. Вс.* Наука о человеке: Введение в современную антропологию. Курс лекций. М., 2004.

Б.В. Зейгарник, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин. К этой же плеяде я отношу своего ушедшего в 2004 году друга, мастера междисциплинарного анализа в психологии, профессора кафедры психологии личности МГУ А.А. Леонтьева.

Для того чтобы читатели могли более рельефно ощутить дух *культурно-деятельностной неклассической психологии*, третье издание учебника «Психология личности» дополнено приложением «*Социальная биография культурно-исторической психологии: круги общения*», содержащим цикл статей о моих учителях, которые задавали координаты пристрастности всех исследований автора этой книги. В этом же приложении представлена полемика о проблемах психологии личности с таким ярким методологом науки, как Вадим Розин.

Вторая ось пристрастности учебника «Психология личности» связана с либеральным мировоззрением, которое исповедует автор, а тем самым, с критическим отношением к любым тоталитарным или авторитарным системам, которые нивелируют личность и вынуждают человека, пользуясь названием классической книги Эриха Фромма, осуществлять «бегство от свободы».

Я учился духу свободы и достоинства в общении с писателем Владимиром Тендряковым, очерк которого «Люди или нелюди» является блестящим эссе по психологии личности. Обаянию вольного мышления я обязан философу Мерабу Константиновичу Мамардашвили, лекции которого стали для меня школой самостояния личности. В известном смысле именно под влиянием Владимира Тендрякова, Мераба Мамардашвили, а также известного фильма Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» была написана статья «Психология обыкновенного фанатизма», которая приведена во втором приложении к третьему изданию настоящего учебника.

И, наконец, еще одна из координат пристрастности этого учебника самым непосредственным образом связана с моей собственной биографией. Мой отец, Григорий Львович Асмолов, имя которого прочно вошло в историю советской энергетики, свято верил, что *наша страна станет страной свободы и достоинства*. Именно от него я унаследовал эту веру, а также немного наивное желание превратить различ-

ные научно-исследовательские и образовательные проекты в социальную реальность. Эта установка на социальное проектирование реальности отражена в третьем приложении учебника в статье «Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта — к парадигме толерантности», а также в публицистическом эссе «Как закалялась... “Молодая гвардия”», своего рода мольбе о прощении перед поколениями людей, попавших под жесткие жернова социально-экономических реформ девяностых годов ушедшего XX века.

Я верю, что мифы и метафоры порой лучше передают смысл мировоззрения человека, чем самые строгие научные статьи. К таким мифам относится одна из притч о великом баснописце Эллады Эзопе.

Раб Эзоп, добившийся свободы благодаря своей мудрости, из-за происков злой воли и коварства оказывается ложно обвиненным в воровстве. И тогда он задает вопрос схватившим его стражам храма:

— Какая участь за кражу уготовлена рабу?

— Раба побьют за прегрешение палками и вернут хозяину, — отвечают стражи.

— А что ждет за тот же проступок свободного человека? — спрашивает окруживших его стражей Эзоп.

— По законам Эллады свободного человека за кражу сбрасывают со скалы в пропасть, — говорят стражи.

— Скажи, скажи скорей, что ты мой раб, и останешься жив, — уговаривает Эзопа его бывший хозяин.

В ответ на это предложение Эзоп поворачивается к стражам и говорит:

— Где здесь пропасть для свободного человека...

Выбор Эзопа — это выбор индивидуальности, приоткрывающий суть проходящей через всю эту книгу формулы: *«Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают»*. И порой, как Эзоп, избирают ради свободы и достоинства пропасть для свободного человека.

Этими словами притчи я и завершаю предисловие к третьему изданию учебника «Психология личности», предисловие в жанре исповеди.